

Хо Цунцзин на утреннем докладе, вполне ожидаемо, снова выслушал несколько упрёков в своей заносчивости.

Конечно, вряд ли кто-то станет из-за ночёвки с блудницей просто так прогуливать утренний приём у императора.

Впрочем, вслух об этом говорить не стоило, и когда император с улыбкой поинтересовался, не заболел ли он, Хо Цунцзин отделался расплывчатыми отговорками.

А после утреннего доклада он снова поспешил в Башню Ветра и Луны.

Это было само собой разумеющееся: он ведь оставил там полторы тысячи таэлей серебра, так что если не ходить туда почаще, останешься в дураках.

Вот только стоило ему явиться туда, как эта алчная до денег блудница снова принялась вымогать у него «карманные расходы», и Хо Цунцзин с ужасом почувствовал, что его серебро неуправляемо катится в бездонную пропасть.

И всё же перед следующим визитом Хо Цунцзин специально приобрёл для Лю Чи подарок — золотую шпильку, инкрустированную множеством драгоценных камней. Одну из тех, что прежде были пожалованы ему императором.

Получив эту шпильку, Лю Чи странно посмотрел на него и спросил: — Это же женское украшение, с какой стати ты даришь его мне?

Хо Цунцзин совершенно ничего в этом не смыслил и, испугавшись, что тот снова начнёт с ним ссориться из-за какой-нибудь мелочи, сбивчиво произнес: — Тебе не нравится?

Лучше бы он промолчал. Произнеся эти слова, он сам это понял и даже ощутил напряжение на грани жизни и смерти.

Изгнание из столицы означало бы окончательный крест на борьбе за престол.

Он происходил из низов, в четырнадцать лет ушёл в армию, а следующие пять лет провёл почти безвылазно в военных лагерях. О всяких там правилах этикета и тонкостях он не имел ни малейшего понятия — именно поэтому шпильку, предназначенную для женщин, он преподнёс мужчине.

На этот раз улыбка снова была ослепительной и донельзя соблазнительной.

Поскольку Лю Чи предстояло целую неделю отдыхать от «тяжелого физического труда», генерал, подавляющий Восток, поластился к нему весь день, а ближе к вечеру его попросту

выставили за дверь.

В его глазах мелькнуло лишь мимолётное, еле заметное веселье.

— Красиво?

— С чего это ты такой довольный? — Лю Чи, глядя на его радостный вид, тоже улыбнулся.

— Красиво, — искренне кивнул Хо Цунцзин.

Сидя верхом на коне, Хо Цунцзин оглянулся на углу улицы: окно на самом верхнем этаже Башни Ветра и Луны было распахнуто, но за ним — пустота.

Лицо, которое прежде можно было назвать ослепительно-красивым, от этой неестественно чистой улыбки стало казаться похожим на белого фарфор, с которого чистой водой смыли весь узор.

Лю Чи распустил собранные волосы и заплел их заново — на манер женщин, после чего заколол в причёску роскошную золотую шпильку.

Но Лю Чи лишь улыбнулся — и это была вовсе не привычная улыбка, от которой у людей сладко замирало и зудело в груди, а едва заметная, легкая усмешка. Казалось, он попытался по привычке изобразить яркую улыбку, но истинное чувство прорвалось наружу раньше, чем он успел взять себя в руки.

Он отвел взгляд и заметил, как у входа в Башню Ветра и Луны остановилась карета.

Хо Цунцзин почувствовал, как от этой улыбки его душа и мысли пустились в пляс.

— Золотая Рыбка~ — Двенадцатый принц взбежал по лестнице в два шага и, увидев завязывающего волосы Лю Чи, широко улыбнулся.

— Наследного принца свергли, — усевшись на стул, с улыбкой произнес Двенадцатый принц. — Отец издал указ о низложении наследника и сослал его из столицы.

Всё, пиши пропало, опять придется раскошелиться на крупную сумму.

Впрочем, особого значения это не имело: три с лишним десятка братьев только и ждали удобного момента, так что ссылка в провинцию ничего не меняла.

Но именно поэтому он мог смотреть на окружающую красоту незамутненным взором.

Короче говоря, наследника сместили.

— Нравится, — ответил он.

Закончив с прической, Лю Чи подошел к нему и вдруг заметил на лбу Двенадцатого принца синяк.

— Это что такое? Весь лоб в синяках.

Двенадцатый принц потрогал лоб и небрежно бросил: — Отец страшно рассердился, мы все простояли на коленях целый день. Бывшего наследника отец отфутболил к самому столу так, что ему всю физиономию исцарапало, а у меня, наверное, просто от земных поклонов шишка.

Лю Чи достал из ящичка коробочку с мазью, зачерпнул пальцем немного средства и принялся аккуратно втирать его в лоб Двенадцатого принца, одновременно спрашивая: — Ноги целы?

— Под штанами мягкие подкладки нашиты, — усмехнулся Двенадцатый принц. — Вернусь домой, прикажу слугам хорошенько растереть.

Колени, конечно, тоже опухли, но докладывать об этом Лю Чи не было никакой нужды.

— Хорошо, — кивнул Лю Чи и убрал руку. — Рассказывай, что там во дворце.

Низложенный наследник был седьмым принцем. По словам Двенадцатого принца, тот являлся круглым дураком и никакой поддержки со стороны родственников по материнской линии не имел. Судя по всему, император изначально возвысил его лишь с тем расчетом, чтобы в будущем сместить.

В конце концов, при таком количестве сыновей неопределенность с престолонаследием заставляла слишком многих проявлять опасную активность. Император намеренно и твердо назначил наследником очевидного глупца — седьмого принца, и в этом шаге несомненно таился скрытый знак остальным сыновьям.

Но то было поведение правителя в расцвете сил.

Теперь же, когда император собственными руками сверг этого набившего оскомину наследника, на которого никто не возлагал надежд, он одновременно послал всем четкий сигнал: император намерен назначить настоящего наследника.

Император и в самом деле постарел.

Ему уже почти пятьдесят лет, он уже дед множества внуков. В тридцать лет человек обретает опору, в сорок — избавляется от сомнений, в пятьдесят — познает небесную волю, а в простонародье в пятьдесят лет человек уже считается глубоким стариком.

Что же до принцев — за исключением самых старших, которым уже исполнилось около тридцати, остальные из оставшихся в живых насчитывали добрый десяток юношей золотого возраста от шестнадцати до двадцати пяти лет.

Они молоды, умны, и к тому дню, когда император действительно отречется от престола, они всё еще будут полны сил.

На этот раз поводом для смещения наследника назвали жестокое обращение с братьями — гибель двадцать третьего принца в конечном счете привязали к его вине.

А реакция императора поставила в этом деле окончательную точку.

Никто не станет жалеть опального наследника; все принцы, сохранившие амбиции в отношении трона, бросились подсчитывать свои силы и строить планы на борьбу за власть.

А был ли на самом деле убит двадцать третий принц именно им... кого это волнует?

— Момент выбран идеально, Золотая Рыбка, — улыбнулся Двенадцатый принц.

Лю Чи и без того неустанно прокладывал ему дорогу: от полного бесправия после лишения статуса принца до нынешней возможности войти в Министерство финансов. Самым трудным в любом деле всегда бывает начало и конец, и стоило Двенадцатому принцу пробиться в Министерство финансов, как наступал час развернуть истинную борьбу.

Как раз сейчас император подал знак о скором назначении настоящего наследника и одновременно устроил новую чистку при дворе, так что на какое-то время наверняка воцарится затишье. И когда остальные принцы снова зашевелятся, наступит именно тот момент, когда Двенадцатый принц планировал проникнуть в Министерство финансов.

На фоне общей суматохи других претендентов действия Двенадцатого принца останутся совершенно незаметными, и шансы на успех возрастут многократно.

— Да, момент выбран идеально, — Лю Чи лично принес еду и поставил на стол. — Поешь досыта, наберись сил и отправляйся залечивать раны, ваше высочество.

Покидая Башню Ветра и Луны, Двенадцатый принц спускался вниз едва ли не на закорках у Лю Чи: колени нестерпимо болели. Пока он бежал сюда с радостной вестью, боль притупилась, но стоило поесть и расслабиться, как она стала невыносимой.

К счастью, из Башни Ветра и Луны многие уходили именно так — хмельные, осоловевшие, с ног до головы пропахшие вином.

Когда Лю Чи усадил Двенадцатого принца в карету, тот неожиданно протянул руку и схватил Лю Чи за запястье.

— Золотая Рыбка, ты обдумал то, о чем я говорил тебе вчера?

Речь шла о том, чтобы вытащить Лю Чи отсюда.

На улице уже совсем стемнело, в Башне Ветра и Луны ярко горели огни, красные фонари освещали и дорогу, но внутри кареты, где теплился лишь один крошечный светильник, было темно.

Глаза Двенадцатого принца сияли, он не отрывал от него взгляда, и в этом взгляде читалась редкая, почти детская простота.

Лю Чи слегка шевельнул пальцами: — Я уже придумал способ. Завтра, когда приедешь, я тебе всё расскажу, — тихо проговорил он.

Двенадцатый принц разжал пальцы и озарил лицо сияющей улыбкой.

— Тогда я приеду завтра.

Стоя у входа в Башню Ветра и Луны, Лю Чи провожал взглядом удаляющуюся карету Двенадцатого принца. Силуэт его казался прямым и нестигаемым, словно бамбук среди горных скал.

Хо Цунцзина вызвали на ужин в Резиденцию князя Увэя. Юноша подозревал, что его недавние выходки вызвали недовольство приёмного отца, и теперь тот решил преподать ему урок.

Самовольно прогулял утренний доклад, каждый день пропадает в Башне Ветра и Луны, да еще ради какого-то мужчины за два дня спустил полторы тысячи таэлей...

Хм, прояви он такое, наследнику рода давно бы уже всыпали по первое число.

Хо Цунцзин заранее мысленно приготовился к знатной порке и явился в Резиденцию князя Увэя.

Но его действительно ждал всего лишь ужин.

Подумал Хо Цунцзин, глядя на блюда, расставленные на столе.

Князь Увэй восседал на почетном месте. Заметив его появление, он слегка приподнял веки и бросил: — Садись.

Князя Увэя звали Чжу Чжэнцинъ. Ему перевалило за сорок, волосы уже тронула седина, а лицо избороздили глубокие морщины, похожие на следы от ударов топора и резца. Однако грозная аура оставалась при нем: стоило ему сидеть неподвижно, как тяжесть генерала, прославившего царство Цзинь, давила на окружающих почти до удушья.

Но Хо Цунцзин, будучи его приёмным сыном, ничуть не смущался — велели садиться, он и сел.

Чжу Чжэнцинъ взял палочки, подцепил кусочек еды и кивком указал Хо Цунцзину: — Ешь.

— Ага.

Оглядевшись и убедившись, что они ужинают вдвоем — супруга князя Увэй и наследник к столу не явились — Хо Цунцзин тоже взял палочки и молча принялся за еду.

На середине трапезы доселе молчавший Чжу Чжэнцинъ внезапно произнес: — Слышал, ты в последнее время зачастил в Башню Ветра и Луны?

Хо Цунцзин мысленно вздохнул: вот и началось.

Он и так знал, что от Чжу Чжэнцинъ ничего не утаишь, впрочем, он особо и не пытался.

— Да, — не задумываясь, ответил Хо Цунцзин.

— Говорят, ты всё еще увиваешься за каким-то мужчиной? — снова спросил Чжу Чжэнцинъ.

— Да, — Хо Цунцзин не удержался и бросил взгляд на приёмного отца.

Чжу Чжэнцинъ выразился «мужчиной», а не «мальчишкой-блудником» — не означало ли это, что сам он вовсе не испытывает отвращения к подобным вещам?

В конце концов, блудники числились в сословий рабов и стояли на самом дне общества.

— Не крути с ним, — бесстрастно бросил Чжу Чжэнцинъ.

На этот раз Хо Цунцзин не стал послушно отвечать «слушаюсь». Он отложил палочки и с

некоторой запинкой произнес: — Он мне очень нравится... Отец, если ты против того, чтобы я околачивался в таких местах, я просто выкуплю его оттуда.

Услышав это, Чжу Чжэнцзинь, казалось, усмехнулся. Взглянув на Хо Цунцзина своим тяжелым, подавляющим взглядом, он произнес: — Тебе это не по силам.

<http://bllate.org/book/21314/2162809>